

Максим Замшев "Концертмейстер" (отрывок)

Это случилось в мае 1974 года. В один из субботних дней профессор Воздвиженский из-за плохого самочувствия не поехал в консерваторию и пригласил Арсения позаниматься у него дома. Ведь до конкурса Чайковского оставалось чуть меньше месяца, подойти к нему необходимо в оптимальной готовности. Перед конкурсами и экзаменами педагоги-музыканты больше всего походят на спортивных тренеров, готовящих своих подопечных к решающим соревнованиям. Арсений безропотно принимал предконкурсные нагрузки, занимался по многу часов, оттачивая каждую музыкальную фразу, каждый пассаж, каждый аккорд, иногда доходя в этом до полного слияния с инструментом. Воздвиженский помогал ему правильно выстроить форму, придать исполнению глубину и зрелость. Кульминацией его выступления в первом туре задумывался концертный этюд Ференца Листа «Блуждающие огни». С ним ученик и учитель возились в тот день больше всего. Воздвиженский стремился довести исполнение до такого уровня, чтобы виртуозность не бросалась в глаза, не превалировала над музыкальной картиной. Профессор все эти дни жил в нарастающем азарте. Арсений Храповицкий, без сомнения, самый его талантливый ученик за всё время работы в консерватории. Педагог немного боялся, что кафедра не допустит первокурсника до участия в конкурсе, сочтёт, что слишком рано, что надо ещё подождать, но утверждение кандидатуры Арсения Храповицкого прошло без сучка и задоринки. Теперь главное, чтобы он показал всё, на что способен. Не перегорел. Ведь характер у него, очевидно, неровный, немного замкнутый, не вполне конкурсный. «Справится ли он с волнением?» – профессор нервничал так, будто сам вернулся в свою исполнительскую юность.

Воздвиженский жил в высотном доме на Котельнической набережной, на одном из последних этажей, и в тот вечер, после трёхчасового занятия, Арсению захотелось спуститься по лестнице, а не ехать в массивном степенном лифте с отвратительно хлопающей железной дверью. Он миновал один пролёт и остановился у окна, залюбовавшись. Вид на Москву открывался впечатляющий: мягкое солнце щедро проливалось на мостовые и набережные, отражалось в покачивающейся воде и в отрешённых куполах храмов, а небо накрывало всё это идеально ровной лазурью. Над poblёскивающими городскими крышами кружились голуби, то суетливо хлопая крыльями, то замирая в долгом парении.

До этого времени он не задумывался о том, какой результат покажет на конкурсе. А если он победит? Нет. Не стоит сейчас ничего предполагать. Главное – сыграть так, чтобы было потом не стыдно. Сладкие предчувствия тем не менее всё же бередили... Уж больно хорошо получаются «Блуждающие огни», как будто специально для него написаны.

Вид завораживал, и он принялся рассматривать город во всех деталях, с прямоугольными крошечными автомобилями, с по-весеннему одетыми, бодро преодолевающими городские расстояния людьми, с отблесками в подслеповатых от солнца окнах, с подкрашенными розовым и жёлтым стенами домов, с нервными порывами листвы, с немного волнистой, будто лакированной поверхностью реки, с белыми прогулочными пароходами, чьи носы походили на мордочки фантастических животных, с мостами, уверенно опирающимися на каменные берега, с красными кремлёвскими башнями и белой колокольней Ивана Великого немного поодаль.

Он начал спускаться по душноватой лестнице с безупречно коричневыми перилами, как вдруг его глаза прилипли к одной точке внизу. Он пригляделся: по мосту через Москву-реку рядом с каким-то мужчиной шла его мать, Светлана Львовна Храповицкая. Сперва ему примерещилось – отец? Но потом, присмотревшись к походке микроскопического человека, понял, что это не папа, а кто-то другой. Кто же это? И что мать с этим типом здесь делает? Куда они идут?

Можно попробовать догнать их.

В этот момент как раз этажом ниже шарахнула дверца лифта, а потом раздались шаги. Арсений вприпрыжку миновал один лестничный пролёт. Слава богу, лифт никто не успел вызвать.

Конечно, мать и того, кто сопровождал её, Арсений не настиг, хотя бежал по мосту что было сил и даже чуть не выронил папку с нотами.

На той стороне реки мужчина и женщина словно растворились.

Арсений вертел головой, всматривался в перспективу, предполагал, в какую сторону они могли пойти, но результата не достиг. Не исключено, они сели в трамвай. Арсений видел, как, поместив пассажиров в своё продолговатое брюхо, 39-й номер отползал от остановки.

В смятенном и несколько сомнамбулическом состоянии юноша пошёл по Новокузнецкой улице. Дыхание постепенно успокаивалось. Что это сейчас было?

Обычно субботние и воскресные дни мать посвящала младшему брату и без острой необходимости его не бросала. Димкина няня, добронравная Дуняша, единственный человек в доме, на которого события

последнего года никак не повлияли (поглощённая заботами о своём подопечном, она попросту ничего не заметила), по выходным не работала у них, и Светлана Львовна почти не отходила от Димки, играла с ним, гуляла, читала ему вслух. Если Димка убегал от неё к брату или к отцу, чтобы увлечь их в какие-нибудь свои детские затеи, она не противилась, но довольно быстро делала так, что младший сын возвращался под её крыло. Что же сегодня привело её на мост, да ещё и в сопровождении незнакомого Арсению мужчины? Не спросить ли её дома, между делом, с кем она переходила Москву-реку? И с кем Димка сейчас? Видимо, с дедом.

На Новокузнецкой улице собрались дома из разных эпох, как часто случается в центре Москвы. Были и одноэтажные домики с деревянным верхом, попадались шикарные доходные особняки в стиле модерн, кое-где наблюдались и проявления архитектурных фантазий советской власти. Арсений получал удовольствие от этой улицы, от её шуршащих мостовых и тёплых тротуаров, от трамвайных путей, от опутывающих её переулков с загадочными перспективами.

Прежде ему не приходилось тут прогуливаться. Переживания немного отступали. В конце концов, мало ли какие у мамы могут быть знакомые? Чего он так переполошился?

Вот уже показалось на другой стороне Садового кольца длинное здание Павелецкого вокзала. До метро «Павелецкая» совсем близко. Пора домой! Вечером надо ещё позаниматься немного. Он дошёл до конца улицы вдоль массивного, сталинского закала дома, повернул налево, где у метро толпился разный народ, и тут ему явилось такое, что он чуть не присел на корточки, чтобы как-то спастись от нахлынувшей на него горячей волной всепоглощающей мерзости.

Около павильона метро, почти у самых дверей, мать притянула к себе голову того самого человека, с которым Арсений видел её на мосту, и истоиво и быстро целовала его то в губы, то в щёки, потом коротко, почти незаметно перекрестила и отпустила. Мужчина, не оборачиваясь, торопливо прошёл в метро, а мать горестно побрела в сторону улицы Бахрушина.

Словно кадр из фильма. Причём какой-то нечёткий, замедленный.

Арсений замер и так и стоял, пока его грубо не оттолкнули с криком:

– Чего застыл! Дай пройти.

Это спешил на вокзал краснолицый толстяк с двумя огромными чемоданами.